

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Международная
научно-практическая конференция
«НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ
И БУДУЩЕЕ СИРИИ»

МОСКВА 2016

Содержание

В.В. Наумкин, научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН

Вступительное слово3

Бусейна Шаабан, советник президента Сирии

Запад не борется с террористами, а направляет их.....5

В.В. Попов, советский и российский дипломат ранга Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат исторических наук

Сирийский кризис.....12

Алистер Крук, основатель и директор компании Conflicts Forum, политолог, эксперт по ближневосточной проблематике

Глобальная разобщенность, застой и политика сирийского перемирия17

А.А. Громыко директор Института Европы РАН,

доктор политических наук, член-корр. РАН20

Эшли Бёрн, директор компании Conflicts Forum по вопросам реализации проектов и связям с общественностью

Жизнеспособность национального примирения в условиях информационной войны22

Н.Д. Плотников, руководитель Центра научно-аналитической информации ИВ РАН, доктор политических наук, доцент

Опыт и уроки национального примирения в Таджикистане.....25

Сейед Мохаммед Маранди, профессор английской литературы и культуры Востока в Тегеранском университете

Процесс перемирия в Сирии.....28

И.Д. Звягельская, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН, доктор исторических наук, профессор

Будущее Сирии: возможные варианты.....30

Хакан Аксай, турецкий журналист, обозреватель интернет-портала «Т24», основатель и сопредседатель Российско-турецкого исследовательского центра

Роль Турции в сирийском кризисе.....33

Примечание редактора. Упомянутые в выступлениях на конференции наименования экстремистских группировок – «Исламское государство» (другие названия «Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство Ирака и Сирии», ДАИШ), «Аль-Каида», «Джебхат Фатх аш-Шам» (бывшая «Джебхат ан-Нусра») признаны в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Их деятельность на территории РФ запрещена.

Вступительное слово
научного руководителя Института
востоковедения РАН, академика РАН В.В. Наумкина

Я приветствую всех участников конференции. Она у нас небольшого формата, но посвящена очень серьезному вопросу: «Национальное примирение и будущее Сирии».

Сирийский конфликт имеет несколько измерений – военное, гуманитарное и политическое. Для его успешного разрешения необходимо активное использование всех средств внутри и вовне страны для установления гражданского мира.

Все участники, в том числе международные, за исключением радикальных и экстремистских сил, сходятся на том, что военного решения конфликта нет и быть не может. Единственный путь решения – национальное примирение путем переговорного процесса, в котором должны участвовать все, кому не безразлична судьба Сирии, сохранение ее как единого светского государства в существующих границах.

Мы знаем, что сирийское правительство привержено этой парадигме и, несмотря на трудности, которые возникают на пути взаимопонимания различных глобальных и региональных участников, принимает меры для того, чтобы сирийский народ сплотился на основе, во-первых, политического урегулирования конфликта путем национального примирения, во-вторых, бескомпромиссной борьбы

с террористическими группировками. И вокруг первого вопроса, и вокруг второго вопроса есть разные точки зрения между разными игроками.

К сожалению, взаимная ожесточенность противостоящих сторон не способствует обоюдному взаимопониманию. Кроме того, переговоры с участием специального представителя Генерального секретаря ООН Стаффана де Мистуры застопорились, поскольку США не в состоянии провести разделение умеренной и радикальной оппозиции.

Регион наводнен оружием. Его поставки радикальным и экстремистским группировкам идут из многих стран мира. Его перемещение никак и никем не контролируется. Это только обостряет конфликт, ведет к новым человеческим жертвам.

Объявленная командованием Военно-космических сил России и Военно-воздушных сил Сирии гуманитарная пауза направлена на скорейшую эвакуацию мирного населения из района военных действий, однако, по ряду свидетельств, она активно используется экстремистами для перегруппировки сил. Между террористическими движениями нет четких границ, для них характерно постоянное перетекание средств, оружия и людей из одной группировки в другую.

Шансы на возобновление переговорного процесса пока еще есть. Россия сегодня делает все для того, чтобы это произошло, идя на серьезные уступки. Об этом Президент РФ В. Путин говорил 27 октября 2016 г. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Особую значимость нашей конференции придает участие в ней советника президента Сирийской Арабской Республики доктора Бусейны Шаабан, давних партнеров Института востоковедения РАН из Великобритании, Ирана, Турции, официального представителя МИД Швейцарии – страны, где проходят межсирийские переговоры, представителей обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации, бывших чрезвычайных и полномочных послов СССР и РФ в странах Ближнего Востока, представителей ИМЭМО и Института Европы РАН. В работе конференции принимают участие ведущие российские эксперты, представляющие Институт востоковедения РАН, другие российские аналитические структуры, вузы и СМИ. Надеюсь, что такой состав экспертов позволит найти ответы на вопросы нашей научно-практической конференции.

ЗАПАД НЕ БОРЕТСЯ С ТЕРРОРИСТАМИ, А НАПРАВЛЯЕТ ИХ

Бусейна Шаабан

Одна из самых значительных проблем, с которой мы столкнулись в деле урегулирования конфликта, это именно западные СМИ, которые с первых дней кризиса начали проталкивать свою собственную теорию и полагаться на сообщения телекомпании «Аль-Джазира», которая финансируется правительством Катара и отражает точку зрения Дохи и Эр-Рияда.

Западные и арабские информагентства после начала боевых действий в Сирии отозвали своих корреспондентов и стали полностью полагаться на сообщения «Аль-Джазире», «Аль-Арабии», которые не занимаются проверкой фактов и не заботятся о достоверности публикуемых сведений. В результате в западных СМИ, в западном обществе распространяется версия событий в Сирии, которая серьезнейшим образом искажает реальное положение вещей.

Корреспонденты западных и арабских СМИ, когда приезжают на оккупированные террористами территории, выпускают репортажи, отражающие точку зрения исключительно экстремистов. Фактически можно говорить об информационной войне, направленной против Сирии, Ирана и России. Когда был нанесен удар по гуманитарному конвою рядом с Идлибом около двух месяцев назад,

без всякого расследования обстоятельств случившегося, обвинения моментально посыпались в адрес российской и сирийской авиации, которые якобы нанесли удар по этой колонне. Хотя известно, что лидеры террористов за неделю до этого происшествия угрожали, что они сожгут любой гуманитарный конвой, направляющийся в Алеппо.

27 октября по школе в районе Идлиба террористами был нанесен удар, погибли 20 детей и опять-таки начали указывать в сторону российских ВКС и сирийской авиации.

Я хотела бы отметить, что, начиная с 2011 г. террористы уже уничтожили по всей территории Сирии порядка 300 школ. Только в одной из них в городе Хомс они убили 50 человек, взорвав здание школы. Никакого осуждения этого факта от какой-нибудь из западных стран мы не слышали, или же по поводу любой другой школы в Сирии или госпиталя или больницы, которые были уничтожены террористами.

Журналисты могут поехать в восточную часть Алеппо уже сейчас и посмотреть какая судьба постигла все школы и больницы в этой части города, которые были уничтожены террористами.

К сожалению, информационное освещение нашей ситуации оказывается в руках людей, поддерживающих террористов на Западе, и когда меня спросил Сергей Лавров, почему вы не расскажете западным СМИ правду, я ему ответила, что много раз рассказывала, но они не публикуют то, что я им рассказываю о деяниях террористов, они пропускают это мимо ушей. Я выступала на CNN. До этого они передавали репортаж из Алеппо, на экране бегущей строкой было написано «сотрудник разведки в Алеппо», т.е. они получают свои репортажи от разведки, от спецслужб.

К сожалению, большинство людей не в курсе тех усилий, которые предпринимались сирийским правительством начиная с 2011 г. для того, чтобы положить конец этой кошмарной войне. 24 марта 2011 года, всего 10 дней спустя, после того как первые боевики проникли в Сирию с целью ведения боевых действий, руководство страны приняло очень важное решение и я лично вела пресс-конференцию и огласила эти решения на весь мир. Например, отмена закона о чрезвычайном положении, о многопартийной политической системе, все те вопросы, которые, как нам казалось, были важны для нашего населения.

Руководство Сирии тогда пыталось этими вопросами заниматься. Меня просили встречаться со многими деятелями оппозиции, которые жили в Сирии, чтобы я с ними вела диалог, узнавала, в чем проблема, как можно взаимодействовать. Однако, чтобы мы ни делали, Запад шел на эскалацию, на поддержку террористов, которые расширяли и активизировали свою деятельность в Сирии. США и европейские страны в первые же месяцы закрыли свои посольства в Сирии, хотя наше правительство не предпринимало никаких враждебных действий в отношении дипломатов.

Я хотела бы вам напомнить один факт, который свидетельствует о том, как Запад ведет свою деятельность именно против Сирии. Россия и Китай были вынуждены четырежды применять право вето, начиная с октября 2010 г. в Совете Безопасности ООН, потому что западные страны пытались провалить через него резолюции, которые разрешили бы им начать военную операцию в Сирии. Даже сейчас, после всех этих многочасовых переговоров между С. Лавровым и Дж. Керри, после всех договоренностей мы видим, что опять никто не выполняет соглашения, заключенные между Россией и США. Последнее из них было достигнуто в сентябре этого года и Пентагон его нарушил первым, министр обороны Э.Картер, а также сенатор Д. Маккейн заявили, что недопустимо вести с Россией обмен разведанными, потому что это конфиденциальная информация, которую русским нельзя раскрывать.

По условиям договоренности между министрами иностранных дел двух стран это было одно из положений, и ведь в Пентагоне об этом прекрасно знали. При обсуждении этих договоренностей в Белом Доме знали, что Пентагон игнорирует договоренности, которые оговаривал Дж. Керри. Это факты, которые у нас перед глазами, от которых нельзя абстрагироваться, но фактом является и то, что корпоративные СМИ, отражающие интересы крупного бизнеса и элит в США, обладают огромным влиянием, огромной мощью на Западе и они полностью закрывают собой информационное пространство. У нас практически нет никакого доступа к «уху» западной аудитории.

Одна из важнейших тем в Сирии – это послевоенное восстановление. Это крайне важно для нашего населения. Сирийское руководство практически с самого начала объявило в плане процесса примирения, что каждый, кто выйдет из подполья, сложит оружие и вернется к мирной жизни, будет прощен. Президент Асад много раз

выступал с заявлениями на этот счет, и даже есть определенное недовольство, что людям, которые убивали, дают шанс интегрироваться снова в мирную жизнь, иметь работу, занимать какие-то должности, иметь все права сирийского гражданина.

В таких местах как Дараа, Хомс, Дамаск процесс примирения дает плоды, причем очень позитивные. Мы обнаружили, что гораздо полезнее вести переговоры с вооруженными группировками, чем позволить вмешаться ООН. К сожалению, наш опыт взаимодействия с ООН по Сирии наталкивает на не очень оптимистичные выводы. Потому что были ситуации, когда в наших переговорах с группировками представители ООН советовали им воздерживаться от переговоров с нами, т.к. они якобы могли бы выторговать себе лучшие условия. Почему, когда мы добились в Дараа договоренности о прекращении боевых действий, тот же спецпредставитель ООН де Мистура был недоволен сирийским правительством и критиковал нас?

По идее ООН должна радоваться каждый раз, когда им удастся договориться о прекращении кровопролития и, по-моему, представители ООН уже забыли зачем они находятся в Сирии. Они говорят о гуманитарной помощи, гумкоридорах, но почему-то они не говорят о том, как прекратить войну. Они не говорят о первопричинах, почему сирийцам понадобилась гуманитарная помощь. Надо помнить, что сирийцы никогда раньше не получали гуманитарной помощи ни от одной страны. Мы экспортировали продовольствие и текстиль. История Сирии насчитывает 10 тыс. лет. Сирия – это не маргиналы, живущие на подачки. Сирийцам совсем не нравится получать от ООН сухое молоко и макароны в пайках. Сирийцы привыкли жить на свежих фруктах и овощах, растить собственный урожай и есть то, что произведено ими. Мы совсем не получаем удовольствия от такого образа жизни – питаться из гуманитарных посылок.

Теперь можно заметить, что корпоративные СМИ на Западе вообще не говорят о том, как прекратить войну в Сирии, они говорят об ужасном положении Восточного Алеппо, о гумконвоях, о необходимой гумпомощи. Но вопрос о первопричинах остается за скобками, почему мы пришли к такому положению.

Такие страны как США, Франция, Великобритания говорят о поддержке так называемой умеренной оппозиции. Каким образом человек, которые убивает и ходит с оружием может называться умеренным. Реальность такова, что непосредственно на месте событий

невозможно отличить боевика ДАИШ или «Ан-Нусры» от боевика другой группировки. Вам даже представитель ООН, работающий непосредственно на «земле», расскажет, что эти боевики обмениваются между собой всем: у них гуляет по рукам оружие, они даже обмениваются пленными и пойманными рабами. Поэтому когда западные страны заявляют, что они поддерживают умеренную оппозицию в Сирии, они на деле поддерживают террористов, потому что деньги и оружие, которое они поставляют умеренным, в итоге оказывается в ДАИШ, в «Ан-Нусре» и у других террористических группировок.

Сейчас Саудовская Аравия, Катар и Турция находятся в авангарде наступления на Сирию. Те боевые действия, которые Турция развязала на границе с Сирией, доказывают, что Турция изначально ставила перед собой именно такие задачи. Откуда появились все террористы, которые пришли в Сирию – из Турции. У нас совместная граница протяженностью 860 км.

Когда Турция заняла Джераблус своими войсками, она сделала это без боя. Турецкая армия подошла к городу, занятому террористами, и те ушли по соглашению с турками без единого выстрела. То же самое было в Синджаре (*один из центров проживания в Ираке езидов – прим. редактора*) два года назад. Они пришли туда, Синджар был занят ДАИШ, турки с ними поговорили, джихадисты собрались и спокойно ушли, а турецкая армия туда зашла. То есть это все один и тот же проект.

Руководство и народ Сирии кровно заинтересованы в прекращении этой войны. Поэтому мы предпринимаем все усилия для того, чтобы общаться со всеми частями нашего общества и отбивать у террористов занятые ими районы, чтобы страна могла вернуться к нормальной жизни, чтобы мы не нуждались в гуманитарной помощи, не нуждались в помощи ООН, не нуждались вообще в какой-то помощи извне.

Вы видите, что, несмотря на все резолюции СБ ООН, все переговоры в Женеве, в Вене, соглашения, достигнутые Россией с западными странами, ничего в итоге не реализуются. Почему? Потому что западные страны поддерживают террористов в Сирии и одновременно используют их для своего проекта разделения нашей страны, раздела Ирака с целью, чтобы Израиль остался единственной силь-

ной вооруженной державой на Ближнем Востоке после того, как наши страны будут фактически уничтожены.

На мой взгляд, сейчас время для нас объединиться и добиться того, чтобы в западных СМИ появилась правда. Я вам могу рассказать, что общалась с французскими и британскими журналистами, публицистами, мыслителями. Они приезжали в Сирию, у нас была очень важная комиссия британско-сирийская в Дамаске буквально два дня назад. Приезжали британские публицисты и эксперты, которых уже тошнит от того, что пишут британские СМИ, от этого нарратива, который они проталкивают, и они пытаются наладить какую-то возможность говорить правду своим гражданам. Потому что то, что происходит в Сирии и на Ближнем Востоке, представляет собой опасность не только для Сирии и региона, но и для России, и для КНР, и для всего Запада.

Я считаю, что отношение к террористам в Сирии такое же, как в Европе к нацистам. Когда нацисты вышли на авансцену, никто в них не увидел той серьезнейшей угрозы, которую они впоследствии представляли для международных отношений. Также сейчас мир относится к террористам в Сирии. Мир не осознает, какую угрозу они несут. 27 октября на Валдайском форуме Президент Путин сказал: «Запад считает, что может использовать этих террористов для своих целей, а потом от них избавиться, но это у них не получится». Клинтон ведь сама призналась, что они породили «Аль-Каиду» в Афганистане, и позднее «Аль-Каида» «отблагодарила» их терактами в Нью-Йорке.

То же самое будет и в этой ситуации. Пытаясь поддержать, а потом использовать террористов в Сирии, Запад сам станет их жертвой. Поэтому сирийский кризис можно урегулировать только через политические решения. Правительство Сирии делает для этого все, что может. За последние 10 дней важные районы вокруг Дамаска были освобождены за счет переговоров – Дараа, Касая, Аль-Хамед, все эти окрестности и важные районы вокруг Дамаска были освобождены путем диалога, а не боевых действий. Подобные усилия мы продолжаем везде, где это возможно.

Сейчас мы ведем переговоры в Джабаре. То есть мы не оставляем попыток и мы будем использовать любые возможности для того, чтобы прекратить эту войну, которая разрушает нашу страну, институты. И мы рады, что Россия и Иран в союзе с нами и в борьбе

против террористов для того, чтобы вернуть безопасность не только в Сирию, а вообще миру. Терроризм крайне опасен для всех нас. Я считаю, что правительства западных стран ведут крайне близорукую политику, пытаясь создать собственного Франкенштейна в лице исламского терроризма и этот Франкенштейн обернется против них рано или поздно.

В заключение хочу отметить, что в Сирии высоко оценивают усилия российских дипломатов и военных. Они делают огромную работу ради безопасности всего человечества. Мы искренне верим в то, что Президент Путин, Правительство России могут мыслить стратегически в отношении того, что происходит в мире и предпринимают правильные шаги для того, чтобы гарантировать, чтобы все жили в более безопасном мире, включая и западные страны.

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС

В.В. Попов

Сирия – страна древнейшей культуры и одна из колыбелей человеческой цивилизации. На ее территории расположены уникальные памятники истории человечества разных эпох. Страна на протяжении веков давала миру пример не просто терпимости и сосуществования, но доброго, плодотворного взаимо-

действия между людьми, представляющими разные национальные и этнические группы, исповедующими самые разные религиозные верования и культы.

Кто побывал в этой стране, не мог не сохранить впечатление о магической красоте ее гор, весеннего аромата цветущих садов, величественного и прекрасного моря. И, главное, жители этой страны – сирийцы, они доброжелательны, приветливы, отзывчивы, образованы и динамичны. Они действительно наследники великих цивилизаций. И как странно видеть то, что сегодня происходит в Сирии. Какие черные, дьявольские силы сработали в тех, кто бросил ее на растерзание, превратив в кровоточащую рану.

Сегодня от зверств радикальных исламистов страдают не только сирийцы, но и жители приграничных государств. Более того, опасная ситуация в Сирии грозит распространиться далеко за пределы этой арабской республики и ее соседей. Радикальные идеи и экстремизм – насущная проблема и угроза для всего мирового сообщества.

Однако, по-видимому, пока не все способны оценить масштаб этой проблемы и этой угрозы.

К сожалению, многие региональные государства готовы воевать до последнего сирийца, лицемерно прикрываясь выдуманными, сомнительными лозунгами и разжигая межконфессиональную рознь. Многонациональная и многоконфессиональная Сирия, по сути дела, никогда не отличалась фанатичным отношением к религии. Сунниты, шииты, христиане самых разных направлений мирно уживались на этой территории. Лет 10 тому назад представить, что такое будет происходить на земле Сирии, было просто невозможно. А сегодня сирийская драма стала международной, и многие пытаются ловить рыбу в этой мутной воде. При этом истинные цели некоторых сил, задействованных в конфликте, вызывают сомнения, учитывая их непоследовательную политику и отсутствие реального стремления и воли к поиску решения проблемы. Даже послушав официальные заявления, можно сделать вывод, что приоритетом в сирийском до-с-е для некоторых наших партнеров, я имею в виду, прежде всего США, является не борьба с радикализмом, а уход Б. Асада с поста президента Сирийской Арабской Республики. Ну кому же как не главным демократиям понимать, что президента в своей стране могут выбирать исключительно сами сирийцы! А всё, что могут сделать внешние силы, так это помочь разбить террористов, развивших свою деятельность в Сирии, и обеспечить мирный процесс.

Казалось бы – очевидные вещи, но как показывает жизнь, не для всех. В условиях, когда у каждого есть свои собственные цели, которые далеко не всегда сводятся к борьбе с террористами, победа над ними становится все более сложной.

Сирия – это сердце арабского мира, и от того, как будут развиваться события в этой стране, во многом зависит положение дел на всем арабском и Ближнем Востоке. В России это четко понимают. Так сложилось исторически, что из арабских стран, со всеми из которых у нашей страны сложились доверительные, партнерские отношения, – Сирия и Египет всегда занимали и занимают особое место. Мы связаны многими узами. И с самого начала конфликта в Сирии мы заняли принципиальную позицию, которая на протяжении всего этого времени не менялась. Наша политика в этом вопросе последовательна и понятна.

Как вы знаете, в июне 2012 г. было принято коммюнике группой действий по Сирии в Женеве, в котором (оно было подписано, кстати, пятью великими державами и целым рядом региональных игроков), в частности, отмечалось, что члены группы действий привержены суверенитету, независимости, национальному единству и территориальной целостности Сирии. Они преисполнены решимости действовать безотлагательно и активно с тем, чтобы начать проводимый под руководством сирийцев политический процесс, который отвечает законным чаяниям сирийского народа и позволяет ему самостоятельно и демократическим путем определять свое будущее. В этом, по большому счету, и заключается позиция России. Напомню, что под этими документами стоят подписи министров иностранных дел Великобритании, Франции, США и всех региональных игроков.

В сентябре 2013 г. главы внешнеполитических ведомств США и России договорились по сирийскому вопросу. Стороны выступили за политическое урегулирование, вывод химоружия из Сирии, его уничтожение. Это, пожалуй, было серьезнейшим результатом совместных действий России и США в Сирии. Это отчетливо показывает, что кооперация Российской Федерации и Соединенных Штатов действительно может привести к серьезным успехам и продвижению в этом вопросе. У нас есть немало хороших друзей-экспертов по Ближнему Востоку в США. И вот они не раз говорили: «Мы были близки к успеху. Мог бы быть прорыв. Мы могли бы добиться политического урегулирования». Но, к сожалению, наши американские партнеры взяли и изменили свой курс. И тогда, после начала Женевской конференции, американцы выделили полмиллиарда долларов США специально сирийской оппозиции, как они говорили – умеренной оппозиции, и все эти деньги, оружие и сами эти боевики перетекли в террористические организации.

Возвращаясь к действиям России, хочу еще раз подчеркнуть, что мы делаем ставку на политическое урегулирование. Мы всегда повторяли, что сирийский кризис не имеет военного решения. Поэтому мы работаем и с руководством страны, и с оппозицией.

В январе и апреле 2015 г. в Москве проходили так называемые межсирийские переговоры между представителями оппозиционных сил и делегацией сирийского правительства. В этот же период времени наш министр С. Лавров и его заместитель М. Богданов провели более 50 встреч с представителями оппозиционных структур.

Сирия является одним из ведущих партнеров России в регионе Ближнего Востока. Наши народы связывают давние отношения дружбы, взаимовыгодного сотрудничества, основанные на подлинном уважении интересов друг друга. Мы ценим отношения доверительного диалога и плотного взаимодействия между Москвой и Дамаском по актуальным международным и региональным проблемам, а также по двусторонней повестке дня, в том числе по вопросам урегулирования кризисных ситуаций.

Ситуация в Сирии продолжает оставаться крайне сложной. Тем не менее, мы считаем, что наши действия приводят к наглядному результату. Можно привести некоторые факты.

На 25 октября 2016 г. количество населенных пунктов, присоединившихся к процессу примирения, увеличилось до 847. Продолжаются переговоры о присоединении к режиму прекращения боевых действий с полевыми командирами незаконных вооруженных формирований в ряде населенных пунктов провинций Дамаск, Хомс, Хама, Алеппо и Кунейтра.

69 вооруженных формирований заявили о своей приверженности принятию и выполнению условий прекращения боевых действий. Мирным жителям в оккупированных районах выданы несколько десятков тонн гуманитарных грузов. Сирийские и российские военные продолжают борьбу с террористами ИГИЛ, «Джебхат Фатх аш-Шам» (бывшей «Джебхат ан-Нусры»), и занимаются обеспечением гуманитарной помощи, в первую очередь продуктами питания, медикаментами и предметами первой необходимости.

Сегодня, все чаще эксперты, в том числе и наши западные коллеги, пишут, что Россия переиграла США в Сирии. Тут много можно приводить примеров. В частности, канадский эксперт, Джеффри Макгов пишет, что у Москвы два основных мотива проводить активную ближневосточную политику. Первый – это стремление остановить распространение радикального ислама, а второй – прекратить череду государственных переворотов в странах Ближнего Востока.

Мы действительно считаем радикальный ислам глобальной угрозой потому, что если эти исламистские террористы получают доступ к оружию массового поражения, мало не покажется. Поэтому нам представляется, что борьба с экстремизмом должна быть бескомпромиссной и всеобъемлющей.

Что касается Сирии – мы выступаем за территориальную целостность страны и убеждены, что нет альтернативы политике национального примирения. Будем продолжать работу в данном направлении и убеждать в этом наших партнеров. Об этом говорил наш глава государства на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 г. в Сочи.

Я думаю, что вопрос с Алеппо в скором времени решится. И это, безусловно, откроет новые возможности для полномасштабного и широкоформатного диалога, направленного на национальное примирение. Россия в своих подходах к сирийским делам придерживается твердо принципов суверенитета, единства и территориальной целостности Сирии и ее светского характера. Исходим из безальтернативности разрешения острого кризиса в этой стране политическими средствами. Настаиваем на скорейшем возобновлении межсирийского переговорного процесса с целью возвращения мира и безопасности в Сирию.

ГЛОБАЛЬНАЯ РАЗОБЩЕННОСТЬ, ЗАСТОЙ И ПОЛИТИКА СИРИЙСКОГО ПЕРЕМИРИЯ

Алистер Крук

Я хотел бы выделить три структурных момента, помогающих определить важнейшие международные аспекты развития сирийского конфликта. Противостояние на Ближнем Востоке развивается не изолированно, а в тесной связи со значительными изменениями в мире.

Так, предвыборная кампания в США не имеет аналогов за всю историю существования в этой стране института президентства. Оба претендента на пост главы государства отказывают друг другу в легитимности. На глазах всего мира происходит демонтаж политической системы Соединенных Штатов и ее разбалансировка. Растут противоречия между президентом США и Пентагоном, президентом США и спецслужбами по внешней политике Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке. Барак Обама дает обещания президенту РФ по Сирии, однако буквально на следующий день министр обороны Эштон Картер заявляет, что у американских военных иные решения, т. е. фактически глава военного ведомства отказывается выполнять указания своего верховного главнокомандующего. Бомбардировка позиций сирийских войск в г. Дэйр-эз-Зор в сентябре 2016 г. авиацией коалиции – это лишь один эпизод такого саботажа, который стал известен мировой общественности. Не исключено,

что ЦРУ и Пентагон делают в той же Сирии и вокруг нее немало того, что не соответствует официально декларируемому курсу администрации Обамы.

Еще одним примером разбалансировки органов государственной власти США является отношение к Ирану. Президент говорит одно, а минфин США, говоря о якобы уважении позиции президента по Ирану, заявляет, что она не согласуется с политикой минфина.

Современное общество подошло к окончанию периода международных отношений, сложившегося по итогам Второй мировой войны. Глобализация начала испытывать трудности, начался обратный процесс. Снижение экономического роста ведущих экономик мира повлекло за собой рост безработицы. Из-за роста дефляции банковский капитал все больше загоняет себя в угол.

На Западе усиливается разброд и шатания. Действующая международная система находится на грани слома. Ее устойчивость во многом основывалась на финансовом фундаменте, который постепенно разрушается.

В США раздаются голоса о необходимости объединения политических элит. Но единственное, что может способствовать их консолидации – это общие интересы консерваторов и неолибералов, а сторонники этих сил являются наиболее последовательными защитниками идеи интервенции в Сирии.

Еще сложнее ситуация в Европе, которая находится в глубоком кризисе и не в состоянии принимать ответственные решения. В этих условиях правый и левый популизм становятся формой сопротивления сложившемуся статусу-кво и возвращения к национальным государствам. В политэкономическом смысле это означает, что идеалы чикагской школы монетаризма отбрасываются ради возвращения к наследию Фридриха Листа.

Именно поэтому в США нет особого стремления к мирному урегулированию сирийского конфликта. У американцев нет прежнего влияния в Турции, Саудовской Аравии, Иране. В итоге Вашингтон все больше прибегает к использованию сентиментализма, основанного на страхе. Распространение фальшивых фотоматериалов, направленных на обвинение сирийского и российского командования в военных преступлениях, имеет целью стереть у обывателя понимание, кто кого бомбит и с чего начался конфликт. Целесообразно ли ждать, что Америка одумается? Не знаю, но полагаю, что чем

дольше затягивается взятие Алеппо, тем ближе мир подходит к грани, заставляющей вспомнить Карибский кризис. По моему мнению, иногда военное наступление помогает найти политическое решение.

Терроризм в Сирии превратился в своего рода «монстра», который не может прийти к власти, но мешает началу процесса мирного урегулирования. При этом его существование выгодно определенным политическим игрокам, как в регионе, так и за его пределами. Американские неоконсерваторы агрессивной риторикой в отношении сирийского руководства пытаются закрепить свои политические силы, а военные США стремятся к увеличению военного бюджета. Риторiku Государственного департамента США в отношении политики Москвы в Сирии хорошо объясняет выступление профессора политологии Чикагского университета Джона Миршаймера на Валдайском форуме, состоявшемся 27 октября 2016 г. в Сочи. Он, в частности отметил, что американцы никогда не примут того, что Россия превзошла их в Сирии. Это будет равноценно потере ими «политического лица».

А.А. Громыко
директор Института Европы РАН,
доктор политических наук, член-корр. РАН

Большое спасибо г-ну Круку за выступление. В нем очень много было идей, которые не только относятся непосредственно к сирийскому кризису, но и затронули суть того, что происходит не только в Сирии, но и в других частях мира, в том числе и на примере избирательной кампании в США.

Сирийский кризис с одной стороны очень похож на региональные кризисы, которые мы наблюдали в 20-м веке. Особенно во второй половине 20-го века в эпоху биполярного мира, как он развивался внутри государств, потом в региональный, а затем уже крупные игроки начали использовать этот кризис для достижения каких-то своих целей.

С другой стороны, сирийский кризис – во многом это пример кризиса нового поколения. Только в 21-м веке могла, с моей точки зрения, возникнуть ситуация так, как она возникла сейчас на Ближнем Востоке. Здесь и гибридная война, которая перешла на новый уровень, благодаря политехнологиям и коммуникациям. Это, безусловно, феномен международного терроризма, который принял эту яркую и устрашающую форму ИГИЛа. Международный терроризм не существовал ни в 18-м, ни в 19-м, ни в 20-м веке в том смысле, как мы относимся к этому явлению сейчас. Наконец то, что мне

очень близко из анализа г-на Крука – в 1990-е годы международные отношения перешли в стадию большой дестабилизации. То есть это новый период смены одной модели международных отношений на другую.

Безусловно, Сирия стала примером или проявлением этой большой дестабилизации. И, мне кажется, что Сирия наглядно показала, что ни один из региональных или трансрегиональных центров силы на сегодняшний день не способен навязать свою волю другим. Сирия также ярко показывает, что единственный путь, чтобы прекратить такого рода кризисы, это компромиссы и учет интересов друг друга.

Я тоже считаю, что ни один крупный игрок в мире в настоящее время не созрел до понимания того, что мы живем в реалиях нового времени. Никто пока не способен адаптироваться к полицентризму. США до сих пор пребывают под впечатлением, что это единственная оставшаяся сверхдержава, которая может диктовать свою волю. Евросоюз находится в глубоком социальном, экономическом и политическом кризисе. Если почитать их глобальную стратегию, то она не вызывает большого удовлетворения, в том числе и в части отношений между Россией и Евросоюзом и Западом в целом.

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Эшли Бёрн

Я также имею опыт работы в Сирии и на Ближнем Востоке. Буду говорить не только о конфликте в Сирии, а в более широком смысле, что сопутствует этому конфликту, и об одном главном его компоненте – информационной войне.

Информационная война содержит в себе целую инфраструктуру информационных ресурсов и средств их применения. Это и организации, якобы специализирующиеся на защите прав человека, и группы по опросам общественного мнения, и соответствующий контент по освещению гуманитарных вопросов, и освещение в нужном ракурсе инцидентов с погибшими и количеству жертв конфликта, и т.д.

Приведу пример. 5 октября 2016 г. Стаффан де Мистура созвал пресс-конференцию, на которой заявил, что половина боевиков, действующих на территории Алеппо, являются боевиками террористической организации «Джебхат Фатх аш-Шам». А 6 октября на другой пресс-конференции он заявил, что их число составляет около 900 боевиков и в Алеппо их количество составляет около 50%.

14 октября агентство Reuters опубликовало информацию, со ссылкой на одного из западных дипломатов, имя которого не было упомянуто, что число боевиков «Джебхат Фатх аш-Шам» в Алеппо составляет 200 и возможно даже 100 человек. Другой западный ди-

пломат в это же время заявил также агентству Reuters, что боевиков «Джебхат Фатх аш-Шам» в Алеппо практически нет.

Это только один из примеров, когда происходит манипулирование фактами и цифрами.

В 1997 г. в журнале US Army Water один из высокопоставленных представителей военной разведки США описал стратегию ведения Вашингтоном информационной войны, рассказал об оружии будущего, роли информации в конфликтах. Он отметил, что информация является очень важным продуктом и его ценность в будущем только возрастет. По его мнению, информационная война будущего – это война между жертвами информации и мастерами ее использования. С помощью этого оружия можно манипулировать представлением людей о каком-либо событии, формировать соответствующее мнение и подкреплять его нужными доказательствами.

Есть также более свежий пример из Великобритании, когда британское правительство оперировало неверными данными о количестве боевиков в подразделениях Свободной сирийской армии. Это еще раз подчеркивает, какую ключевую роль играют компоненты информационной войны в современных конфликтах.

Информационная война может влиять на стратегию и процессы принятия решений. В Сирии она помогла высветить стратегическую инициативу, направленную на формирование умеренных целей сирийской революции, сформулировать соответствующие принципы национальной идентичности, которые отрицают как ДАИШ, так и режим Б. Асада.

Основная цель информационной войны – определить соответствующим образом те основные ценности, которые якобы соответствуют принципам защиты и соблюдения прав человека, женщины, ребенка.

Также цель этой войны – сформировать соответствующее мнение в западном мире о политике и стратегии в регионе, а также об основных целях и задачах конфликтующих сторон в выгодном свете для того, кто ее (информационную войну) ведет. Этот процесс должен находиться под постоянным контролем и регулярно подпитываться. Поэтому он подкрепляется соответствующими фактами, раскрывающими человеческие личные трагедии, используется соответствующий видеоряд (например, когда ребенок умирает на руках доктора или спасателя, или израненные дети, находящиеся в

больнице или в скорой помощи), нередко сфальсифицированный, для создания необходимого мнения и формирования нужного отношения к увиденному или услышанному. Подобный контент имеет стратегическое значение в военном и гуманитарном ракурсах. Это проект широкого масштаба.

Информационная война влияет как на цивилизацию в целом, так и на процесс примирения в частности. Она вызывает антагонизм в социальной и этноконфессиональной сферах. Это антагонизм искусственный и направленный на ограждение западного сообщества от ненужной верной информации. Это противопоставление также тому, что делают Россия и Иран в Сирии, противопоставление Б. Асаду.

В данных условиях очень сложно говорить об успехе процесса примирения. Нет возможности добиться однозначного и транспарентного освещения политических и военных событий, происходящих в Сирии. В этой связи необходимо найти и использовать соответствующие объективные каналы коммуникации и вещания. Надо следить, чтобы российские доводы и фактический материал, а также вопросы, касающиеся процесса примирения, доводились до иностранных СМИ. Необходимо также вызвать соответствующую положительную реакцию не только у западного сообщества, но и в других странах, относительно российской инициативы по имплементации процесса примирения в Сирии.

Сама система процесса примирения не разрешит всех проблем в стране, но сам запуск данного процесса очень важен. Этот процесс асимметричный. Кроме того, очень важно соответствующее отношение к данному процессу стран Персидского залива, традиционно поддерживающих экстремистские и террористические организации.

Но основная цель – это нивелировать противоречия с Западом, касающиеся борьбы с терроризмом.

ОПЫТ И УРОКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Н. Д. Плотников

Готовых рецептов национального примирения противоборствующих сторон гражданского конфликта, тем более вооруженного, в ходе которого пролито много крови своих же соотечественников, нет. Выход из каждого имеет свои особенности. Тем не менее, опыт и уроки достижения мира после ожесточенной гражданской войны в Таджикистане, продолжавшейся 5 лет (1992 – 1997 гг.), может быть использован при урегулировании конфликта в Сирии.

В процессе политического урегулирования межтаджикского противостояния участие принимали и сотрудники нашего Института (трое из них сегодня принимают участие в конференции) – и в переговорном процессе, и в работе над подготовкой «Общего соглашения об установлении мира и согласия в Таджикистане». Оно было подписано летом 1997 г. в Москве и положило конец вооруженному противостоянию в республике, в результате которого погибли более 50 тыс. мирных жителей, десятки тысяч получили ранения, увечья, не менее 800 тыс. или каждый седьмой житель Таджикистана вынуждены были покинуть свои дома и искать убежища как в соседних с Таджикистаном странах, так и в России, сиротами стали более 55 тыс. детей. Подписание Соглашения заложило основу для

установления мира и национального единства, экономического восстановления страны.

Подписанию Соглашения предшествовал сложный переговорный процесс. Каждая из противоборствующих сторон по мере эскалации гражданской войны стала понимать, что еще совсем недавно экономически развивающаяся республика стоит на грани развала на несколько отдельных непонятных карликовых образований. Прекращение гражданской войны через национальное примирение стало очевидной потребностью для всех участников конфликта. Но ни одна из сторон долго не хотела даже разговаривать друг с другом. Представителям России пришлось вести переговоры вначале с каждой из них в отдельности и убеждать их в необходимости начать прямой диалог. Большую роль в этом сыграла иранская сторона, с помощью которой российским представителям удалось начать переговоры с одним из лидеров оппозиции Акбаром Турадджонзода.

В конечном итоге противоборствующие стороны удалось усадить за один стол. Но чтобы это произошло, и официальному Душанбе, и оппозиции пришлось поступиться частью своих требований. В этом опыт межтаджикского примирения уникален – каждой из сторон пришлось в чем-то уступить, в чем-то поделиться властью ради сохранения своего народа и Таджикистана как единой страны.

Мы, как непосредственные участники этого процесса, можем подтвердить, что в начале переговорного процесса делегации не только жили в разных гостиницах, но и большинство даже не разговаривали друг с другом. Так много было обид, недоверия и ненависти. Всего было проведено 33 встречи в столицах 7 государств (Россия, Иран, Пакистан, Киргизия, Афганистан, Туркмения, Казахстан). Итогом стало подписание соглашения президентом Таджикистана и лидером объединенной таджикской оппозиции при посредничестве ООН. Спустя несколько месяцев был подписан Акт о взаимопрощении.

В нем, в частности, говорилось о прощении «нанесенных друг другу физических и душевных ран», о проклятии Всевышним и народом тех, «кто будет мстить, преследовать за содеянное в годы противоборства». В нем также выражалось осуждение «использования средств массовой информации и открытого призыва с целью подорвать процесс национального примирения, взаимного обвинения, публичного напоминания о прошлых деяниях».

По мирному соглашению была объявлена всеобщая амнистия участников вооруженного противостояния. 30% мест в государственном аппарате, включая министерства, ведомства, местные органы власти, судебные и правоохранительные органы и силовые структуры, 25% мест в Центральной избирательной комиссии по выборам получила оппозиция.

Первой совместной структурой стала Комиссия по национальному примирению. Ее возглавили два сопредседателя – по одному от официальному Душанбе и от объединенной оппозиции.

В процессе примирения власти Таджикистана сняли также все ограничения на действующие в республике средства массовой информации. Правительство взяло на себя обязательство по реинтеграции возвращающихся беженцев и вынужденных переселенцев. Они должны были быть восстановлены во всех гражданских правах.

В ходе реализации процесса национально примирения не раз возникало недопонимание и даже ситуация, грозившая возобновлением гражданской войны. Радикалы были с обеих сторон, отрицающие любые разумные предложения и всячески саботирующие их. Но здесь сыграли большую роль представители ООН и наблюдатели из соседних стран – России, Ирана, Пакистана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана и Киргизии, которые были не только посредниками, но как бы и арбитрами выполнения соглашения. В то же время до обеих таджикских сторон постоянно доводилось, что страны-гаранты не могут договариваться за них. Также и в Сирии договариваться должны между собой сами сирийцы.

Опыт Таджикистана конечно нельзя назвать идеальным. Тем не менее, он может быть полезен при нахождении компромисса в национальном примирении в Сирии. В Таджикистане удалось людям, которые недавно стреляли друг в друга, найти мужество начать прямой диалог, путем взаимных компромиссов найти взаимоприемлемое решения выхода из братоубийственной войны, начать вновь вместе жить и созидать свою родину.

ПРОЦЕСС ПЕРЕМИРИЯ В СИРИИ

Сейед Мохаммед Маранди

Я хочу объяснить, почему Иран скептически относится к процессу примирения в Сирии, особенно сегодня. Война на Ближнем Востоке дает значительные дивиденды ее бенефициарам – Саудовской Аравии и Катару.

Тысячи СМИ, прежде всего в Саудовской Аравии, Катаре, частично в Кувейте и Бахрейне, ведут агрессивную пропаганду против сирийских властей. Изменений в позиции ведущих стран Запада также не наблюдается. Об этом свидетельствуют и публикации Wikileaks. Так, еще в 2013 году госсекретарь США Хиллари Клинтон активно выступала за смену режима в Сирии.

Что же касается борьбы с «Исламским государством», то Вашингтон скорее заинтересован в контроле над ним, чем в его уничтожении. Поэтому политическое решение вряд ли вероятно, однако военное решение вполне возможно.

В этом году дважды устанавливался режим прекращения огня. Оба раза эти инициативы провалились благодаря США и их агентам. В феврале этого года первая попытка режима прекращения огня была сорвана США, когда боевики перегруппировались и провели успешную атаку на Алеппо. В сентябре мы стали свидетелями якобы несчастного случая – атаки авиации международной коалиции под руководством США по позициям сирийских правительственных сил в районе города Дэйр-эз-Зор – являющимся беспрецедентным в ходе гражданской войны в Сирии. Доверия США нет.

Одна часть Алеппо пока не освобождена. Вопрос с этим вторым по величине городом Сирии, имеющим важное стратегическое и экономическое значение, должен быть разрешен как можно скорее. А задача, США, по моему мнению – не закончить конфликт в Сирии, а его продлить. И чем дольше будут идти бои за Алеппо, чем больше будет различных дискуссий и пропаганды вокруг судьбы этого города – тем проще убеждать свой собственный электорат и заручаться его поддержкой. Поэтому я также достаточно скептически отношусь к введению режимов прекращения огня.

По моему мнению, это факт, и я здесь согласен с г-ном Круком, что глобальный порядок в мире нарушен. США находятся в очень слабом положении, как никогда раньше. Кто бы ни стал президентом Соединенных Штатов – он столкнется с очень сложными проблемами в управлении страной.

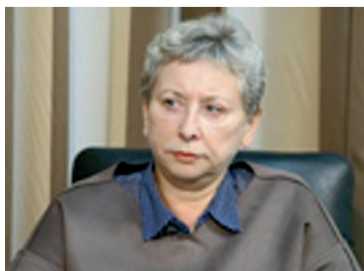
Хочу также отметить, что региональный порядок дисбалансирован, дезинтегрирован. В Саудовской Аравии сложился такой политический режим, который быстро подталкивает страну в направлении к автократии. Йемен живет под влиянием Саудовской Аравии. Турция сегодня находится в более сложной ситуации – воинственные призывы турецкого президента, попытка государственного переворота, экономический спад, война на юге и юго-востоке страны, всё это затрудняет участие Анкары в поисках путей по деэскалации региональных конфликтов.

Двигаться и двигаться быстро – такая концепция даст результат в нынешних условиях. Мы уже видим некоторые результаты на примере Йемена, в котором «тонет» Саудовская Аравия. Саудиты были вынуждены отступить не по всем, но по некоторым позициям. Но для остальных стран Персидского залива этот вопрос еще не решен.

В случае с Ливаном мы видим, что к власти пришел новый президент. Народ этой страны связывает с Мишелем Ауном большие надежды.

БУДУЩЕЕ СИРИИ: ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ

И.Д. Звягельская

Предсказывать будущее очень сложно. Особенно когда речь идет о стране, охваченной гражданской войной и встроенной в очень сложные региональные и глобальные конфликты.

Основная сложность мирного урегулирования в Сирии заключается в том, что внутренние сирийские политические группы уже адаптировались к условиям перманентной войны. Поэтому вместо ожидаемого гражданского мира вполне возможно ужесточение противостояния сил и увеличение ставок на победу.

Удастся ли создать сирийское переходное правительство? На этот вопрос пока сложно дать определенный ответ. Если в таджикском конфликте внешние силы подталкивали власть и оппозицию к заключению перемирия, то в случае с Сирией мы видим прямо противоположный процесс.

Колоссальные разногласия сохраняются не только между Дамаском и Вашингтоном, но и всеми региональными державами, каждая из которых преследует здесь свои цели. Формально все участники мирных переговоров согласны на дальнейшее существование единого государства и против его раздела. Даже курды готовы к уступкам при предоставлении им некоторых прав самоуправления.

В любом случае, новому правительству на восстановление страны потребуются огромные средства (около 600 млрд. долларов). В преодолении травм, нанесенных войной, ему необходимо будет опираться на широкое местное самоуправление, которое будет гарантией общественной поддержки.

Если говорить о том, как может выглядеть Сирия в будущем, то вопрос децентрализации очень важен. Невозможно решать проблемы на местах в условиях, когда очень сильные разрушения, когда масса народа не может вернуться в свои дома, когда нужно обеспечивать безопасность каждого человека в отдельно взятом территориальном объединении, когда даже маленький городок, маленькая деревня должны для себя решать, где рыть колодцы, где брать средства. Упор на местное управление, самоуправление особенно важен, здесь может быть помощь извне, чтобы научить этих людей как это делать, но не более чем помощь и не более, чем советы. Главное, чтобы люди сами решали целый ряд непосредственных вопросов, связанных с их ежедневной жизнью. Никто из Дамаска никогда этого не решит. Более того, если попытаться сразу все централизовать, то сама идея централизации в условиях необходимости преодоления последствий войны будет полностью дискредитирована. Не вернется Сирия к такому же централизованному управлению, если сейчас не удастся ничего сделать на местах. Так что это можно предотвратить заранее.

И последний вариант, о котором я хотела бы сказать, это вариант федерализации. От него никто еще полностью не отказывался. Может быть, понадобится и федерализация, но здесь есть свои очень опасные проблемы.

Прежде всего они связаны с тем, по каким принципам, по каким границам мы будем проводить границы этих федеральных частей. Насколько будет задействован конфессиональный фактор. Война породила страшное взаимное неприятие между различными конфессиональными и этническими группами. Не секрет, что проводились и этнические чистки в ходе сирийского конфликта, выкидывали суннитов, курдов, туркоманов и т.д. Поэтому трудно определить, как должны выглядеть федеральные части. Может быть, наоборот федерализация создаст дополнительные точки напряжения, когда начнут перекидывать население из одного федеративного района в другой в силу того, что люди не захотят и не смогут жить рядом друг с другом.

Не отвергая полностью идею федерации, очевидно к ней можно прийти только после того, как пройдет достаточно длительный переходный период. Во многом это будет зависеть от темпов восстановления страны, процесса возвращения беженцев в места своего прежнего проживания, эффективности работы переходного руководства Сирии. Торопливость в этом вопросе может создать новые точки напряжения.

РОЛЬ ТУРЦИИ В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ

Хакан Аксай

Время быстро летит, особенно на Ближнем Востоке. Если бы мы встретились, скажем, 7-8 лет назад, то мы бы говорили о дружбе между Турцией и Сирией, между ее лидерами. 7-8 лет назад мы поговорили бы и о многих положительных вещах, скажем о демократических реформах в Турции, о процессе демократизации, о подготовке к миру с курдами. 2-3 года назад мы говорили бы о существовании процесса перемирия, когда в течение более 2 лет никто нее умирал. До этого в течение 30 лет свыше 40 тыс. чел. погибло в ходе гражданской войны между центральными властями и курдскими повстанцами.

Сейчас картина совершенно другая. Внутри страны и во внешней политике главный враг Турции это курды. Не только для нынешней власти Турции эта тема очень болезненна, но и в течение десятилетий для многих властвующих партий опасения перед курдами, иногда и ненависть к курдам, страх перед курдами создавали большие проблемы. Сегодня турецкая власть воспринимает курдов как главную опасность.

Если бы те процессы, о которых я упоминал, продолжались, то сейчас я может быть говорил бы о достижениях Турции в плане демократизации. Может быть, Турция была бы посредником между Сирией и другими силами. Турция воспринимала бы сирийских курдов не так болезненно. 22 февраля 2015 г. Турция проводила операцию по эвакуации усыпальницы Сулейман Шаха с помощью тех

самых курдов, которые сейчас представляют главную опасность для официальных властей.

Получается в итоге, что у Турции очень много врагов. Она воюет на многих фронтах, что очень сложно и рискованно. Курды – главный враг. С ними надо воевать и внутри Турции. Они тем же отвечают с самого начала нарушения перемирия.

Руководство РПК тоже не оценило демократические достижения легальной курдской партии и очень активно подключилось к военным действиям, терактам. Внутри Турции, на юго-востоке и востоке происходят ужасные процессы. Я говорил о множестве врагов, среди которых и радикальные исламисты, и ДАИШ. Одно время в их число входил и Асад, но после того, как Турция помирилась с Россией, эта тема немного отошла на дальний план. По крайней мере сейчас эту тему не затрагивают.

Еще один из главных врагов – террористическая организация, возглавляемая Ф. Гюленом. Он бывший союзник Эрдогана и его последователи такие же исламисты, как и представители нынешней власти. У Турции много врагов и ей приходится тратить много ресурсов на борьбу с ними. При этом у Анкары много проблем, в том числе экономического плана. Среди наиболее опасных врагов Турции хотел бы выделить курдов: турецких и сирийских. Иракские курды, наоборот, являются союзниками.

Я говорил по поводу радикальных исламистов и борьбы Турции против них. Следует отметить, что турецкие власти в отношении к террористическим организациям, в частности ДАИШ, не имели четкой позиции. В течение нескольких лет сторонники джихадистов спокойно существовали во многих турецких городах, создавая свои ячейки в них. В результате ими было совершено несколько терактов и существует опасение, что они могут повториться.

В настоящее время бороться с джихадистскими ячейками в Турции крайне сложно, потому что долгое время на их деятельность просто закрывали глаза, и их очень много в стране. Анкара сейчас изменила свою позицию к ДАИШ. Согласно текущим заявлениям, и курды и джихадисты несут угрозу для безопасности государства. Однако при этом выделяется курдская угроза. Насколько это соответствует действительности, можно увидеть из турецких действий в Сирии.

«Щит Евфрата» начинался как операция против ДАИШ, но сейчас основной упор делается на противостояние с курдами. Помимо

ДАИШ в Сирии действуют множество радикальных группировок, с частью которых Турция поддерживает отношения. На мой взгляд, это несет в себе значительные риски. Например, после недавнего разговора Р. Эрдогана с В. Путиным турецкий президент заявил, что российский президент попросил его, чтобы ан-Нусра отошла из Алеппо, и он дал соответствующее поручение своим подчиненным. Какие здесь могут быть еще комментарии. «Джабхат ан-Нусра» – террористическая организация, о чем неоднократно заявляли и официальные турецкие представители. В связи этим восприятие Турции на Западе крайне негативное. Она воспринимается как угроза, как опасность из-за непредсказуемости своего руководства. Основной движущей силой Эрдогана являются его замыслы, тайные цели, в основе которых лежит конфессиональный подход. Налицо стремление Анкары усилить позиции суннитов.

Начиная с 2011 г. Турция совершила очень много ошибок. Одна из самых главных – атака на российский самолет, в результате которой погиб пилот. Сейчас об этом не модно говорить. Такой подход я вижу и среди моих российских знакомых. Но надо сделать выводы и не допустить повторения ситуации.

Однако процесс восстановления российско-турецких отношений прошел на удивление быстро. Несомненно, что Турция в результате многое потеряла: в финансах, в своей роли в Сирии. Самое главное, что потеряла Анкара – это доверие со стороны России, которое вряд ли удастся восстановить на прежнем уровне.

Тем не менее, после восстановления отношений с Москвой можно говорить и об изменении подходов Анкары к вопросу будущего Асада. По поводу Алеппо Турция также говорит о необходимости содействия России в ее операции. Но в обмен началась операция «Щит Евфрата». Есть много вопросов: какова была договорённость с РФ, США и Сирией по тому, как далеко на территорию Сирии могут зайти турецкие войска. Но можно говорить, что, несмотря на это, Анкара продолжает играть свою игру. Поскольку в недавнем выступлении Р. Эрдоган заявил, что после взятия Джераблуса возьмем Манбидж и пойдем далее на Ракку. Это настораживающие заявления. Как можно взять эти города без согласования своих шагов с РФ и другими силами сирийского конфликта? Не очень понятно, почему власти Турции делают такие заявления. Может причина в том, что в Ираке с Мосулом не очень у турок получается?

Сейчас в СМИ, подконтрольных правительству Турции, ведется широкое обсуждение темы, связанной со старыми договорами. С тем, кому какие территории по ним должны принадлежать. Создается впечатление, что наблюдается какое-то движение в будущее через прошлое. Это не может не настораживать, но это является реальностью современной Турции.